

НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Из истории диссертационной культуры

ОПЫТ И ТРАДИЦИИ ОППОНИРОВАНИЯ ДИССЕРТАЦИЙ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (ИЗ ДИССЕРТАЦИОННОЙ ПРАКТИКИ УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ) ЧАСТЬ 3. НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ

Н. Н. Алеврас

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. vhist@mail.ru

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 16-03-00264
(Окончание¹)*

Вопросы о практиках неофициального оппонирования диссертаций в дореволюционных университетах специально не рассматривались в исследованиях, так или иначе связанных с историей защит и опытом экспертизирования данной разновидности научных исследований. Функции и полномочия данной категории оппонентов не имели специальной нормативной основы и регулировались общественными инициативами научного университетского сообщества. Состояние информационных ресурсов по истории диссертационной культуры не позволяет на данный момент представить полную картину всех видов практик оппонирования. Особенно много лакун в источниковой базе по истории диссертационных диспутов обнаруживается относительно выступлений неофициальных оппонентов. В большинстве случаев свидетельства об этом сохранились относительно диссертационных диспутов в столичных университетах – Петербурга и Москвы. Задачи продолжения поисков сведений об этой категории оппонентов сохраняют актуальность. Одновременно следует иметь в виду и то, что существенное число диссертационных диспутов обходились без участия данной категории экспертов. Автор, обращаясь к опытам их оппонирования, предлагает взгляд на неофициальных оппонентов с позиций определения особенностей функций и значения их деятельности как акторов университетского сообщества. Сделана попытка выявить их из среды активистов на поле диссертационной культуры. В основу данной части исследования положены материалы официального и неофициального протоколирования диссертационных диспутов, а также свидетельства источников личного происхождения, исходящих из научного сообщества историков. Резюмируя, автор констатирует, что институт неофициальных оппонентов являлся устойчивой университетской практикой. В конце данной части статьи подведены некоторые общие итоги авторских наблюдений относительно смысла и значения института оппонирования в целом как важнейшего структурного элемента диссертационной культуры и университетского пространства.

Ключевые слова: *неофициальные оппоненты, практики неофициального оппонирования, диссертационная культура, диссертационный диспут, частный оппонент.*

¹ Начало см.: [Алеврас: 2017, С. 145–161; Алеврас: 2018, С. 186–198]

Неофициальные оппоненты как акторы диссертационной культуры

Данная категория экспертов-критиков трудов соискателей представляет отдельную группу института оппонентов – лиц, оппонировующих диссертации по частной инициативе. Их нередко так и называли – «частный оппонент». Эта группа «возражателей» не получила специального статуса в уставно-нормативных документах, но

факт их существования, являвшийся проявлением самоорганизации научного сообщества во время публичных диспутов, демонстрировал особенности и характер частной инициативы профессорской корпорации в пространстве задач подготовки ученых высшей профессиональной квалификации. Вероятно, ко второй половине XIX в. сложилась традиция, согласно которой претенденты на неофициальное оппонирование

должны были заранее объявить историко-филологическому факультету о своем желании сыграть эту роль на диспуте. Была и еще одна категория оппонентов – выступавших «из публики». Эти выступления-экспромты часто нигде, кроме источников личного происхождения, не фиксировались, но высоко ценились, если были глубокими по существу (вспомним выступление «оставленного при университете» Б. М. Соколова на докторском диспуте историка литературы С. К. Шамбинаго [См.: Алеврас: 2018, С. 189–190], или даже – гимназиста А. А. Шахматова на магистерском диспуте филолога А. И. Соболевского). Подобные экспромты условно также можно отнести к категории неофициального оппонирования. Но заявки на такие выступления заранее, очевидно, не подавались в факультет.

Заявленные неофициальные оппонирования могли и не состояться, если заявитель в ходе диспута утрачивал желание выступить. Сошлемся на факты из истории длительного по времени докторского диспута Д. Н. Егорова, который состоялся в 1916 г. [См.: Алеврас: 2018, С. 188–189]. М. М. Богословский, обращаясь в дневниковой записи к сюжету о выступлениях на его защите оппонентов данной категории, отметил, что «должен был говорить еще Ясинский¹, но он сбежал, не дождавшись конца» [Богословский: 2011, С. 153]. (О выступлениях других неофициальных оппонентах см. далее).

В первой части статьи было замечено, что оппоненты представляли тот университет, в котором организовывался диссертационный диспут. Но современники констатировали, что факт публикации диссертации перед защитой, создававший условие для знакомства с ее содержанием представителей других университетов, становился поводом посещения защит профессорами иных вузов. В частности, медиевист Н. М. Бубнов², в своих воспоминаниях отмечал, что после выступлений оппонентов, назначенных факультетом, в

качестве частных «возражателей» имели право выступать все желающие, в том числе представители «других университетов», которые «прибывали иногда на диспут» [Бубнов: 2017, С. 72]. Последнее свидетельство интересно, поскольку зафиксированных конкретных фактов подобного рода немного. Применительно к опыту оппонирования на диспутах историков нам достоверно известен пока лишь один: неофициальное оппонирование петербуржца С. Ф. Платонова на магистерском диспуте А. И. Яковлева в Московском университете (об этом сюжете – далее).

Первые выявленные выступления неофициальных оппонентов соискателей-историков зафиксированы применительно к 1830-ым гг.: они состоялись в Петербургском университете на докторских диспутах Н. Г. Устрялова (1836) и М. С. Куторги (1838)³.

Свидетельства о содержании выступлений неофициальных оппонентов этих историков имеют характер либо краткого упоминания смысла претензий к диссертанту, либо ограничены простой фиксацией факта их участия в диспуте. О диспуте Устрялова имеется дневниковая запись известного деятеля первой половины XIX в. – А. В. Никитенко. Он сообщил, что неофициальным оппонентом являлся «бывший профессор Виленского университета Литвинов⁴». Никитенко засвидетельствовал, что между Литвиновым и Устряловым началась полемика по поводу связи истории Литвы с российской историей. Диссертант высказал мысль, что Литва «всегда составляла часть России», а Литвинов с этим выводом был не согласен. Известная политическая злободневность проблем тогдашнего положения Литвы и закрытия Виленского университета напугала попечителя университета. Известно, что таковым с 1833 по 1842 гг. являлся князь М. А. Дондуков-Корсаков, ставший героем одной из язвительных эпиграмм А. С. Пушкина. Никитенко иронично подчеркнул, что попечитель, опасаясь, как бы «не вышло соблазнительного спора

¹Ясинский А. Н. (1864–1933), историк-медиевист, исследователь истории средневековой Чехии, доктор всеобщей истории. Окончил Киевский университет (Университет Св. Владимира), где защитил магистерскую (1895) и докторскую (1901) диссертации, которые были вознаграждены соответственно премиями имени А. А. Котляревского и М. В. Ломоносова. С 1912 г. являлся приват-доцентом Московского университета.

²Бубнов Николай Михайлович (1858–1943), окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, где защитил докторскую диссертацию, минуя магистерскую (1891). Был учеником В. Г. Васильевского. Впоследствии (с 1891) являлся профессором кафедры всеобщей истории, деканом историко-филологического факультета (1905–1919) Киевского университета.

³Официальными оппонентами диссертации Устрялова выступали: профессор петербургского университета П. А. Плетнев (1791/1792–1865) – литературный критик, поэт, специалист в области русской словесности и профессор Петербургского университета, академик Петербургской академии наук К. Ф. Герман (1767–1838) – статистик, историк, экономист, демограф. Официальными оппонентами М. С. Куторги были профессор богословия Петербургского университета А. И. Райковский (1802–1860) и профессор этого же университета, доктор права, знаток классических языков и трудов древних философов П. Д. Калмыков (1808–1860).

⁴К сожалению, сведений о личности Литвинова пока не удалось обнаружить.

<...>, поспешил прекратить диспут» [Никитенко: 1893, С. 375–376].

Докторская диссертация М. С. Куторги вошла в современную историографию как значимый факт истории исторической науки [См.: Скворцов: 2012, С. 42–44]. Неофициальными оппонентами Куторги стали две видные персоны – немецкий и российский историк Ф. К. (Ф. Ф.) Лоренц и сам глава министерства народного просвещения С. С. Уваров, питавший, как известно, особую любовь к античной истории. О Куторге опубликованы воспоминания историка и филолога Г.С. Дестуниса, слушавшего его лекции в студенчестве и ставшего впоследствии доктором греческой словесности. Перечислив всех оппонентов Куторги, он характеризовал его диспут как «блистательную оборону диссертации» [Дестунис: 1886, С. 5]. Но конкретной информации о содержании выступлений оппонентов не оставил. Выявить ее пока не удалось. Лишь косвенные свидетельства, имеющиеся в историографии, позволяют предположить, что оппонирование Лоренца могло иметь повышенный уровень критики в адрес его диссертации¹.

Применительно к 1840–1850-м гг. сохранились краткие официальные протоколы университетского делопроизводства отдельных защит диссертаций в Московском университете², но они не фиксировали содержание выступлений оппонентов всех категорий. Протокольные записи свидетельствуют, что в роли неофициальных оппонентов на ряде диспутов, кроме специалистов-историков, выступали представители иных научных областей гуманитарного знания, в частности – филологии, истории права, правоведения и других. Иногда диспуты привлекали по несколько оппонентов данной категории. Так, на докторской защите С. М. Соловьева (1847) частными оппонентами стали известный доктор права С. И. Баршев и адъюнкт К. Д. Кавелин, также специализировавшийся в данной области. У И. В. Вернадского на защите докторской диссертации (1849) неофициальными «возражателями» были тот же Баршев и адъюнкт

¹Известна, в частности, «разгромная» рецензия, написанная Лоренцем совместно с К. Л. Блюмом на его более позднюю книгу «Персидские войны. Критические исследования событий этой эпохи древней греческой истории» (1858). Последний из названных рецензентов преподавал в Дерптском университете в годы обучения в нем Куторги. Их отношения были весьма напряженными. Отрицательная, по сути, рецензия не позволила Куторге получить полную демидовскую премию, на которую он номинировался в 1859 г. [См.: Скворцов: 2012, С. 71].

²См.: Документы, вышитые из дел Московского учебного округа // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 1145.

Мильгаузен³. Защита докторской диссертации Т. Н. Грановского (1849) вызвала неофициальные выступления филолога С. П. Шевырева (в то время – декана историко-филологического факультета) и «магистра Павлова»⁴. Магистерский диспут С. В. Ешевского (1855) инициировал выступления четырех неофициальных оппонентов: С. М. Соловьева, Хомякова – «частного посетителя» диспута⁵, П. М. Терновского – заслуженного профессора богословия, церковной истории и психологии и О. М. Бодянского – известного филолога⁶.

Содержание выступлений неофициальных оппонентов кратко излагалось только при организации неофициального протоколирования или в источниках личного происхождения. Зачинщики неформальных оппонирований, как правило, вдохновлялись оригинальными диссертациями и самостоятельной научной позицией их авторов. Но проявления симпатий неофициальных оппонентов к диссертантам практически всегда сопровождалось критическими ремарками в их адрес. Более редкую ситуацию являли факты явно преобладавшего со стороны неофициальных оппонентов негативного восприятия труда соискателя, что проявилось, в частности, на докторском диспуте Н. Д. Чечулина (1896).

В ординарной ситуации неофициальные оппоненты были ориентированы на выражение критических замечаний, не ставя задач фронтального анализа диссертации, что входило в область прерогатив официальных оппонентов. Однако в некоторых случаях их выступления были довольно обстоятельными и продолжительными.

Выступления неофициальных оппонентов в свидетельствах современников

С. М. Соловьев в своих «Записках», повествуя в несколько ироничном тоне, но с чувством полного удовлетворения от своей магистерской

³В протоколах адъюнкты, как правило, не удостоивались обозначения инициалов. Упомянутый Мильгаузен, очевидно был представителем известного семейства врача Б. Г. Мильгаузена – Федор Богданович. Он окончил юридический факультет и в момент упомянутой защиты являлся «исправляющим должность адъюнкта».

⁴По всей вероятности, имелся в виду Платон Васильевич Павлов, защитивший в Петербургском университете магистерскую диссертацию по греческой словесности (1847). Позднее, в 1850 г. в Московском университете он защитил докторскую диссертацию, посвященную истории царствования Бориса Годунова.

⁵Можно полагать, что речь шла об известном славянофиле А. С. Хомякове.

⁶См. об указанных фактах неофициального оппонирования: РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 1145. Лл. 170-170 об.; 197 об – 198; 205об; 341; 442 об.

защиты (1845), где первым оппонентом был М. П. Погодин, а вторым – Т. Н. Грановский, назвал имена пятерых «возражателей» из публики. Двое из них представляли область истории права (К. Д. Кавелин, Н. В. Калачов); трое других – сферу филологии (О. М. Бодянский, И. И. Давыдов, С. П. Шевырев). В кратком описании диспута, который закончился для него «со славою», выступления неофициальных оппонентов представлены с учетом особенностей их взаимоотношений: «... Бодянский, чтоб насолить Погодину, с которым он перед тем поругался, превознес мою диссертацию до небес; Кавелин заметил что-то насчет судебного значения веча; что возражал Калачов – я не понял: это уж мое несчастье – никогда не понимать Калачова; Давыдов спросил, зачем я не распространялся о значении владыки в Новгороде? Шевырев – зачем я не упомянул о Карамзине, ибо сей великий историк, как выразился ритор, усеял свою историю плодотворными мыслями, которые нам стоит только подбирать и развивать» [Соловьев: 1983, С. 293]. В этой мемуарной зарисовке диспута налицо высокая самооценка собственной диссертации, что стало поводом сатирического стиля изложения хода развернувшейся дискуссии и слегка насмешливого взгляда на своих коллег, взявших на себя роль добровольных оппонентов. Но нельзя не заметить и того, что вся эта компания известных людей участвовала в полемике диспута, исходя из научного интереса и целей критического разбора диссертации.

Во второй половине XIX в. выступления неофициальных оппонентов в большей степени определяются их профессиональной близостью к теме защищаемой диссертации. В частности, В. О. Ключевский при защите магистерской диссертации (1872), посвященной житиям святых, вызвал к выступлениям трёх неофициальных оппонентов [Барсов: 1914, С. 65–71]. Все они – Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов и Е. В. Барсов – были известными филологами, знатоками древнерусской письменности, разновидностью которой являлись жития святых. Запись развернувшихся прений, осуществленная Е. В. Барсовым, свидетельствует, что их выступления были не менее детальными по анализу и заняли не меньше времени, чем прения в официальной части защиты. При полной с их стороны поддержке соискателя, каждый из частных оппонентов подверг тщательному и заинтересованному разбору сочинение диссертанта, найдя, что сказать относительно и достоинств, и недостатков исследования. Автор протокольной записи, явно симпатизировавший

Ключевскому, следующим образом подвел итог их выступлениям: «Настоящее описание диспута показывает, с каким строгим и полным вниманием относились к диспутанту все пятеро¹ оппонентов: его диссертация была осаждаема со всех возможных сторон, – и с исторической, литературной, библиографической и он с находчивостью ограждал достоинство своей диссертации...» [Там же: С. 70].

В контексте данного сюжета вернёмся к упомянутому выше докторскому диспуту Д. М. Егорова 1916 года. Зафиксировавшие описание этого диспута – А. Н. Савин, один из официальных оппонентов соискателя, и присутствовавший на диспуте в роли зрителя М. М. Богословский – оставили краткие впечатления от «возражений» двух неофициальных оппонентов [См.: Савин: 2015, С. 410–411; Богословский: 2011, С. 151–153]. Ими были филолог-славист, профессор Р. Ф. Брандт и лингвист, специалист по изучению балтийских и славянских языков профессор В. К. Поржезинский. Дневниковые записи интересны не только сообщениями о восприятии очевидцами этого факультетского события их содержания, но и отдельными откровенными интонациями, характеризующими отношение к различным его участникам. В частности, выступление Брандта преподносилось информаторами с позиций весьма критического к нему отношения. Фигура профессора-филолога предстает как некий назойливый типаж культуры неофициального оппонирования. Его можно отнести к категории ученых, считавших для себя обязательным, независимо от собственной компетентности в проблематике диссертации, демонстрировать свою полемическую активность на диспутах. Богословский не без юмора заметил, что «начал возражения неизбежный на диспутах Брандт». Но в данном случае обычно строгий Богословский снисходительно заключил, что «на этот раз» он был «не столь глупый, как всегда». Савин выступление Брандта лаконично и однозначно характеризовал как устоявшийся феномен несурзанности: «<...> говорил Брандт коротко и довольно нелепо». Выступление Поржезинского воспринималось иначе: по мнению Савина, он говорил «длинно и интересно». Богословский более подробно описал характер его критической речи: «По обширному и продолжительному вступлению, которое он перед своими возражениями произнес, можно

¹Официальными оппонентами на магистерском диспуте историка были два профессора, доктора русской истории – С. М. Соловьев и Н. А. Попов.

было ожидать ряда убийственных выстрелов по лингвистическим промахам в книге». Но в итоге его «возражения» оказались «дельны, но не губительны». Оба информатора заметили вместе с тем, что длинное выступление Поржезинского на затянувшемся и без того диспуте утомило публику, которая в лице курсисток шумела, мешая ему говорить. По свидетельству Богословского, оппонент, «озлясь» даже произнес: «Это безобразие, не дают говорить». Декан (А. А. Грушка), примиряя присутствующих, произнес: «Сейчас кончится», что внесло успокоение. Эти детали диспута, живо переданные авторами дневниковых записей, позволяют представить не только образы оппонентов, но и общую атмосферу конкретного долгого диспута Егорова.

На рубеже XIX–XX вв. усиливается тенденция записи хода диспутов при помощи протоколов, составлявшихся по инициативе представителей научного сообщества различных факультетов. Как отмечалось в первых частях данной статьи, подобные неофициальные протоколы защит диссертаций историков публиковались в «Историческом обозрении», «Научном историческом журнале» и других изданиях. Обратимся к некоторым из них для воспроизведения характерных способов фиксации выступлений «частных» оппонентов и передачи основного смысла их полемических претензий. Во всех случаях, за редким исключением, записи их оппонирований имели сугубо лапидарный характер. Представленные сюжеты демонстрируют опыт выступлений экспертов данной категории в Санкт-Петербургском университете.

На магистерском диспуте П. В. Безобразова¹, посвященном личности византийского ученого, философа и политика Михаила Пселла (1890), в качестве неофициальных оппонентов в прениях выступили представители филологических наук – профессор славянской словесности, историк-славист В. И. Ламанский и известный знаток древнерусской и византийской литературы Х. М. Лопарев. Ламанский упрекнул диссертанта в том, что образ Пселла не может стать основой характеристики всего византийского общества как безнравственного, что вытекало из положений диссертации. Протокол не зафиксировал реакции диссертанта на это выступление. Лопарев не согласился с автором в том, что общая характеристика героя диссертации позволяет назвать его

«знаменитым». На это Безобразов парировал, что «знаменитость» не ассоциирована им с чертами добродетельности человека².

На диспуте А. С. Лаппо-Данилевского, презентовавшего магистерскую диссертацию о системе налогообложения в России XVII в. (1890), официальными оппонентами выступали известные историки – Н. И. Кареев и С. Ф. Платонов. Неофициально оппонировал правовед, экономист и специалист в области финансового права, впоследствии декан юридического факультета – В. А. Лебедев, защитивший в свое время обе диссертации по проблемам налоговых систем в различных странах. Судя по краткому свидетельству источника, Лебедев весьма положительно отозвался о диссертации и попытался определить то значение, которое этот труд соискателя получает в современной истории изучения финансового права. В прениях активное участие принял и коллега Лебедева – известный экономист, занимавшийся изучением проблем этики и «ответственности предпринимателей» – В. Г. Яроцкий. Он выступил со своим мнением в момент полемики Лаппо-Данилевского с Платоновым по поводу природы такого налога как оброк Яроцкий занял примиряющую позицию, полагая, что происхождение этого вида налога сочетает в себе государственное начало, на чем настаивал оппонент, и одновременно связан с системой часто-правовых отношений, что подчеркивал диссертант³.

Привлекшая внимание современников защита диссертации Н. М. Бубнова⁴ (1891) «Сборник писем Герберга как исторический источник (983–997 гг.): критическая монография по рукописям», за которую он получил степень доктора, минуя магистерство, сопровождалась выступлением неофициального оппонента в лице известного историка государственного права М. И. Горчакова. Тот специализировался в области изучения правовых основ институтов церкви и получил за каждую из своих историко-правоведческих диссертаций премию им. С. С. Уварова. Интерес Горчакова к диссертации Бубнова был обоснован фигурой героя исследования, впоследствии ставшего 139-м римским папой, вошедшего в историю под именем Сильвестра II. Поскольку в прениях с официальными оппонентами, в частности, с Н. И. Кареевым, дис-

²Историческое обозрение, 1890. Т. 1. С. 283.

³Там же. С. 294.

¹О научной биографии незаурядного ученого, историка-византиниста П. В. Безобразова (1859–1918) см.: [Любарский: 2001, С. 5–10]. Официальными оппонентами на диспуте выступали доктор всеобщей истории В. Г. Васильевский и историк церкви, доктор богословия И. Е. Троицкий.

⁴Протокол диспута был составлен С. Л. Степановым, см.: Историческое обозрение, 1891. Т. 3. С. 205–225. Официальными оппонентами на диспуте Бубнова были доктор всеобщей истории В. Г. Васильевский, считавшийся учителем диссертанта, и Н. И. Кареев.

сертант обсуждал вопрос об общекультурном и реформационном потенциале деятельности героя диссертации, постольку Горчаков высказал свое мнение по этому поводу. Он упрекнул соискателя в некоторой идеализации им сочинения Герберта «Реймский собор», которое стало основанием для диссертанта представить его автора провозвестником церковной реформации. Горчаков же полагал, что тот всегда оставался католиком-консерватором, а если и добивался свободы церкви, то, не выходя за пределы идей галликанства¹.

Неофициальные оппоненты как критики традиций экспертизы диссертаций и организации диспутов

Именно выступления неофициальных оппонентов иногда нарушали обычный ход диспута. Примером является известный случай Н. Д. Чечулина, докторская диссертация² которого была подвергнута резкой критике в прессе со стороны рецензентов. Инициатором ее стал историк с широким кругом научных интересов, в том числе по истории России XVIII в. – В. А. Бильбасов, начавший еще накануне диспута дискуссию о его диссертации. Полемика была продолжена неофициальными оппонентами – как в ходе защиты, так и после неё на страницах ряда журналов и газет.

Неофициальными оппонентами на диспуте Чечулина стали А. И. Браудо, Н. И. Кареев, В. А. Мякотин. Их суждения отличались повышенной критикой, содержание которой сводилось к утверждению, что, диссертация не заслуживает искомой степени доктора. О характере выступлений неофициальных оппонентов на диспуте Чечулина сообщил в своей статье Мякотин [Мякотин: 1897, С. 12–14].

Первым из частных оппонентов выступал А. И. Браудо, историк, библиограф, закончивший Дерптский университет и с 1894 г., работавший в Публичной библиотеке Петербурга. Он интересовался историей внешней политики России, опубликовал одну из статей по истории русско-голландских отношений, являлся знатоком русской и зарубежной исторической литературы, публикуя их обзоры в различных журналах. Браудо констатировал, что Чечулин не только не внес ничего нового в историю внешних взаимодействий России с Англией, Данией и Швецией, известных по

¹Историческое обозрение, 1891. Т. 3. С. 217.

²Тема диссертации Н. В. Чечулина: «Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762–1774)». Официальными оппонентами выступали известный филолог-славист, профессор В.И. Ламанский и историк-русист, профессор С. Ф. Платонов.

трудам других историков, но продемонстрировал незнакомство или слабое знание трудов зарубежных ученых. Упрекнул он соискателя и в незнании иностранных языков, в частности – французского, вследствие чего ряд используемых им депеш из зарубежных стран были неверно поняты и комментированы.

Н. И. Кареев, принципиально отказавшийся от предложения факультета официально оппонировать диссертацию Чечулина, продолжил тему слабого знакомства соискателя с современной историографией изучаемого им вопроса, а кроме того критиковал методологические основы диссертации. Он подчеркнул, что диссертант не убедителен своими приемами анализа источников, сводя работу с ними к простому изложению их содержания. Кроме того, сосредоточившись на внешней политике России, считал Кареев, диссертант упустил из поля своего внимания содержание внешней политики ряда европейских государств, в частности, Пруссии и Австрии, что не дало возможности составить полного представления об изучаемом вопросе.

В. А. Мякотин³, в свое время занимавшийся историей Польши, сосредоточил внимание на огрехах Чечулина в области его знаний польских источников, специальной литературы по истории Польши и русско-польских отношений. Отсюда, считал оппонент, вытекали пробелы в изложении конкретных фактов по истории Польши и европейских стран. Особо он подчеркнул фактическое отсутствие практики архивных разысканий соискателя, насчитав всего 6 ссылок на архивные документы. Обозначив широкий круг публикаций по изучаемой проблеме, оказавшихся за пределами внимания соискателя, Мякотин резюмировал: «Оставшись в неведении на счет существования взглядов, столь радикально противоположных его собственным, и источников, на которых они основаны, г. Чечулин не является хозяином материала, связанного с обсуждаемыми им вопросами, и его собственные выводы, покоящиеся на узком и одностороннем материале, не могут не возбуждать доверия читателя» [Там же: С. 14].

Однако факультет, опираясь на рекомендательный отзыв, составленный Платоновым, а при

³Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937), историк, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1891), по инициативе Н. И. Кареева был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. После сдачи магистерского экзамена занимался историей малороссийских крестьян, но диссертации не написал. Активно сотрудничал в ряде журналов, в том числе – «Русском богатстве». Придерживался народнической идеологии.

представлении его после защиты в совет университета, подписанный еще и доктором всеобщей истории Г. В. Форстеном, проголосовал почти единогласно (8 – «за», 2 – «против») за присуждение соискателю степени доктора¹.

Тот факт, что ни критические выступления официальных оппонентов (не только Ламанского, но и самого Платонова – друга соискателя), ни безапелляционно отрицательные оценки частных оппонентов не возымели воздействия на окончательное решение факультета, вызвало взрыв неподдельного возмущения у многих представителей научной общественности. Становилось ясно, что давняя традиция диссертационного диспута грозит превратиться в бюрократическую процедуру.

Неординарность ситуации в истории защиты Чечулина заставила одного из неофициальных оппонентов – В. А. Мякотина обратить внимание на статус этой категории «возражателей» и отношение к ним факультета. Критический пассаж по этому поводу содержал обвинения представителей данной университетской институции в монополизации права присуждать ученую степень, не считаясь с мнениями неофициальных оппонентов. Солидаризируясь по этой позиции с критикой Г. Ф. Шершеневича [См.: Шершеневич: 1897, С. 19–20], Мякотин писал: «... в их глазах диспут – “только формальность”, вследствие этого же они готовы смотреть на всякого неофициального оппонента как на докучную помеху благополучному отбыванию формальности и стараются избавиться от неприятной обязанности слушать и взвешивать его возражения диспутанту» [Мякотин: 1897, С. 10].

Именно эта скандальная защита сразу после диспута Чечулина и вызвала принципиальную дискуссию, поставившую под сомнение правомерность сохранения ряда норм и традиций организации диспутов, позволявших допускать к защите и присуждать соискателям ученые степени за диссертации, научные достоинства которых оказывались под сомнением. В свою очередь дискуссия содействовала выработке в начале XX в. законодательных инициатив по разработке нового университетского устава [Алеврас, Гришина: 2011, С. 228–235; Алеврас, Гришина: 2014, С. 86–89].

¹ Авторы отзыва явно подчеркивали в нем преимущественно достоинства диссертации. См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8691. Л. 67-74; Отзыв гг. профессоров Платонова и Форстена о диссертации на степень доктора русской истории Н. Д. Чечулина // Протоколы заседаний совета Императорского С-Петербургского университета за 1897 г. СПб.: Типолитография Б. М. Вольфа, 1898. № 53. С. 10-14.

Неофициальные оппоненты на диссертационных диспутах историков начала XX века: протокольные «зарисовки» защит диссертаций представителями научного сообщества

Во втором десятилетии XX в. на диспутах заметен некоторый рост числа неофициальных оппонирований. Обратимся к диспутам, которые, с одной стороны, вызвали в научном сообществе повышенное к ним внимание, с другой – ход таковых диспутов получал протокольную форму их неофициальной фиксации. В заданном ракурсе нас будут интересовать диспуты М. Д. Присёлкова, М. А. Островской (Петербургский университет), А. И. Яковлева (Московский университет). О «протоколитах» первых двух диссертаций информации нет, ход диспута Яковлева зафиксировал, ставший впоследствии известным историком В. И. Пичета.

Защита М. Д. Присёлкова. На магистерском диспуте будущего историка древнерусского летописания [См.: Магистерский диспут Присёлкова: 1914, С. 133–139] выступило 5 неофициальных оппонентов. Они были представлены учёными двух дисциплинарных категорий – историками и филологами. От корпорации историков выступили: профессор С. Ф. Платонов², по кафедре которого осуществлялась специализация соискателя, магистр П. В. Безобразов и А. В. Королев – на момент защиты, вероятно, еще студент или выпускник историко-филологического факультета. От представителей филологических наук частными оппонентами стали специалисты, занимавшиеся историей древнерусской литературы – приват-доцент Е. В. Аничков и не имевший ученой степени выпускник Дерптского университета С. П. Розанов.

Присёлков защищал диссертацию по теме «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв.» Он пояснил в речи на диспуте, что главной своей задачей считал изучение отношения Руси «к идеалу вселенской церкви». Изучаемый им период Присёлков относил к этапу «борьбы Руси за свою церковную самостоятельность против Византии». Центром этой борьбы он рассматривал Киево-Печерский монастырь, на что им было обращено внимание в тексте представленных тезисов [Там же: С. 134, 135].

² Впрочем, в опубликованном протоколе диспута Платонов обозначен как «третий официальный оппонент» [См.: Магистерский диспут Присёлкова: 1914, С. 138], что было не характерно для практик российских диссертационных диспутов. Сомневаясь в верности обозначения статуса Платонова неофициальной протокольной записью, ограничимся приведенной констатацией.

Выступления официальных оппонентов разнились в своих акцентах¹. Неофициальные оппоненты, казалось бы, должны были отреагировать на полемику, развернувшуюся между официальными оппонентами и соискателем. Однако каждый из частных «возражателей» в своих оценках и впечатлениях от диссертации исходил преимущественно из своих интересов.

Известный филолог, историк литературы, фольклорист и публицист Е. В. Аничков, у которого в год защиты диссертации Присёлкова был опубликован главный его труд «Язычество и Древняя Русь», упрекнул соискателя, что он «охристианизировал древнюю Русь – мы не видим языческого фона». Не одобрил он и авторского толкования такого древнерусского памятника как «Слово о законе и благодати» [Там же: С. 138]. Лаконизм записи его выступления, к сожалению, не позволяет понять суть этой претензии.

Историк-византист П. В. Безобразов выразил крайне негативное отношение к первой части диссертации, в которой затрагивались вопросы об истории первых контактов Руси и Византии. Соглашаясь с высокой оценкой, данной Шахматовым второй части диссертации, он возмущенно подчеркивал (впрочем, в виду краткости текста протокола, детали его претензий и аргументов были, очевидно, опущены), что первые её главы

¹Официальными оппонентами на диспуте были – в качестве первого – историк и богослов, профессор Петербургского университета И. Д. Андреев (1867–1927); в качестве второго – известный филолог, историк древнерусской литературы и летописания академик А. А. Шахматов (1864–1920), которого Присёлков считал своим учителем. Коротко изложу позиции официальных оппонентов, определивших ход полемики. И. Д. Андреев подверг сомнению основную мысль диссертанта, не находя «мотивов выступлений киевских князей против Византии» и подчеркивая существование «прочных и живых связей Византии и Руси». А. А. Шахматов же, фактически поддерживал идею Присёлкова, отмечая особое значение второй части работы, посвященной Киево-Печерскому монастырю. Соглашаясь с диссертантом, он говорил, что в этой части диссертации раскрывался смысл «национально-церковной политики Печерского монастыря с греческой Митрополией». Критические же замечания Шахматова акцентировали внимание на методологических огрехах работы соискателя, связанных с избыточным использованием гипотез вместо опоры на оригиналы текстов источников. В этой критике его поддержал Платонов. [См.: Магистерский диспут М. Д. Присёлкова: 1914, С. 135–138]. Данный момент источниковедческой критики Шахматовым позиции диссертанта, как и содержание выступления Платонова, подробно изложены в специальном исследовании о научных школах в истории русского летописания [См.: Вовина-Лебедева: 2011, С. 303–306].

создавались методами «убийственными для науки», а «вся история об Охридском патриархате измышлена автором». Его волновал тот факт, что искаженная, по его мнению, картина взаимоотношений древней Руси с Византией может попасть в систему гимназического преподавания: в таком случае книгу Присёлкова следовало бы назвать «вредной книгой». Диссертант на это несколько легкомысленно парировал, что он работает для науки, а не для преподавателей гимназий [Там же: С. 139]².

Другого частного оппонента – Королева (он назван в источнике без инициалов)³, представившегося как раз преподавателем гимназии, отмеченная Безобразовым опасность от книги Присёлкова не волновала. Но он обратил внимание на другое обстоятельство – некую ограниченность автора во взгляде на контекст изучения церковно-религиозных вопросов. В протокольной записи его критика выражена фразой: «Надо шире смотреть на дело. Византия привлекала русских всей своей культурой. Никон и Антоний в пещерах все не думали о церковной иерархии» [Там же].

Завершал неофициальное оппонирование – Розанов, зафиксированный протоколом также без инициалов. Сведений о его происхождении, статусе и судьбе – немного. Идентифицировать эту личность удалось В. Г. Вовиной-Лебедевой, в исследовании которой на основе переписки Розанова с Шахматовым установлены некоторые данные биографии и характер его научных взаимоотношений с известным ученым-гуманитарием. С. П. Розанов предстает в книге Вовиной-Лебедевой молодым представителем филологических наук, являвшимся талантливым и преданным учеником А. А. Шахматова, хотя и неформальным по статусу. [См.: Вовина-Лебедева: 2011, С. 251–266]. Но на диспуте Присёлкова С. П. Розанов выглядел скромно. Приветствуя в целом защищаемую диссертацию и ее идеи, он сожалел лишь,

²Судя по протоколу, Присёлков, исключая выступление Безобразова, на критические замечания остальных неофициальных оппонентов не отреагировал.

³Применительно к первым десятилетиям XX в. эта фамилия иногда фиксируется с инициалами «А. В.». В одном случае предполагаемый нами А. В. Королев упомянут как петербургский «универсант» – прихожанин Всесвятской университетской церкви (имелся в виду 1919 г.). См.: К 130-летию со дня рождения Л. П. Карсавина: URL: http://www.library.spbu.ru/blog/?page_id=2511 (дата обращения 26.09.2017). В другом случае – как ученик историка Б. А. Тураева. См.: Чернорабочий от истории: URL: <https://azbyka.ru/days/p-chernorabochij-ot-istorii-k-160-letiju-so-dnja-rozhdenija-vasilija-vasilevicha-bolotova> (дата обращения 26.09.2017).

что ее автор специально не рассмотрел фигуру Антония и его житие. Составитель протокольной записи заметил даже, что свои замечания Розанов «читал по тетрадке» [Магистерский диспут Приселкова: 1914, С. 139].

Участие в диспуте частных оппонентов, представлявших молодых представителей научной среды Петербурга, конечно, значимо как выражение поддерживаемой научной средой традиции интеллектуальной и институциональной связи поколений российских ученых.

Защита М. А. Островской. В широкой культурной аудитории российских историков впечатление произвел и другой – «женский» – диспут М. А. Островской – выпускницы ВЖК Петербурга [См.: Магистерский диспут Островской: 1914, С. 142–147]. Известно, что Островская стала первой женщиной в Петербургском университете и в России, получившей ученую степень магистра, чем подогревался особый интерес к её защите. Темой диссертации Островской стал «Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI–XVII вв.». Кроме протокольной записи диспута, помещенной в «Научном историческом журнале», впечатление о нем опубликовал присутствовавший на защите В. И. Семевский [Семевский: 1914, С. 292–297]. Описание им диспута было осуществлено в формате протокола, но с фиксацией собственного мнения о выступлениях всех диспутантов.

Современники свидетельствовали, что актовый зал Петербургского университета, где проходил диспут, был переполнен публикой. Среди «зрителей» находилась А. Я. Ефименко – талантливая исследовательница, автор ряда исторических работ (в том числе по крестьянскому землевладению), а также учебников по русской истории. В 1907–1917 гг. она преподавала на ВЖК Петербурга. И сама диссертантка, и оппоненты в своих выступлениях отдали должное ее научным заслугам. С. Ф. Платонов произнес: «Этой знаменитой русской женщине мой глубокий поклон», а А. А. Кауфман подчеркнул, что причисляет себя к ее ученикам. Факт ее присутствия, усиливавший гендерный оттенок защиты, аудитория диспута встретила «продолжительными аплодисментами».

Диссертационную работу Островской частным порядком патронировал С. Ф. Платонов, ставший первым официальным оппонентом на диспуте. Вторым являлся А. Е. Пресняков¹. Не-

¹Официальные оппоненты, несмотря на оригинальность для русской научной культуры факта «женского диспута», отказались от комплементарного стиля и предъявили к автору диссертации существенные замечания. Диспут Островской и выступления официальных ее оппонентов стали объектом внимания

официальными оппонентами выступили известный ученый-экономист и статистик А. А. Кауфман и А. С. Раевский, личность которого не сразу удалось установить².

А. А. Кауфмана – доктора политической экономии, знатока современного ему положения крестьянства и состояния аграрного вопроса, диссертация привлекала историко-экономической проблематикой. А. С. Раевский, по всей вероятности, был сведущ в проблематике, но на диспуте он ограничился коротким выступлением. В протоколе о нем – лапидарная запись: «Последний оппонент А. С. Раевский сделал несколько замечаний относительно термина “порядчик” и условий ряда» [Магистерский диспут Островской: 1914, С. 147]. Характер его выступления не потребовал от диссертантки ответной реакции. Иная ситуация сложилась в её полемическом диалоге с Кауфманом.

Выступление А. А. Кауфмана, как подчеркнул Семевский, представляло «значительный интерес по существу вопроса» [Семевский: 1914, С. 294]. Оно превратилось в довольно обстоятельное обсуждение привлечших его внимание сюжетов работы. Его критические замечания, по сути, продолжили линию критики А. Е. Преснякова, обращенной, преимущественно, к источниковедческой основе диссертации.

И. Л. Тихонова [Тихонов: 2004, С. 7–14].

²Некоторое время нам не удавалось среди представителей наук гуманитарного профиля применительно к рубежу XIX–XX вв. обнаружить специалиста с такой фамилией и инициалами. Протокольная запись диспута не вносит ясности для его идентификации. Остановлюсь кратко на своей казусной истории поисков второго неофициального оппонента. На уровне осторожного предположения по первоначальной версии за этим именем автор пыталась увидеть известного инженера в области паровозостроения – Александра Сергеевича Раевского (1872–1924), работавшего в Петербурге, и в том числе преподававшего в высших учебных заведениях города. Его мать – М. Д. Раевская-Иванова была первой женщиной в России, которой Петербургская академия художеств присвоила звание художника (курсив мой. – Н. А.). Факт семейной истории, казалось автору статьи, мог стать основой мотивации поучаствовать в «женском диспуте», привлекая внимание широкой петербургской общественности. Но сохраняющиеся сомнения в этой версии заставили продолжить поиски. В результате, обнаружился факт службы чиновника А. С. Раевского в архиве министерства народного просвещения. В частности, личность А. С. Раевского упомянул С. В. Рождественский в одном из писем к С. Ф. Платонову (см.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4035. Л. 25 об.). Статья Д. И. Раскина позволила уточнить его статус: он являлся помощником Н. П. Барсукова – начальника архива МНП [См.: Раскин: 2016, С. 23]. В результате возникло более реальное предположение, что именно этот человек, близкий к кругу Платонова, мог стать одним из неофициальных оппонентов на диспуте Островской.

Основными моментами прений Кауфмана с Островской стали вопросы о характере собственности крестьян на землю и содержательном смысле такого явления как «складничество» в рамках особенностей изучаемого исторического периода и региона. Кауфман полагал, что неточное понимание автором диссертации существа этого феномена связано с «формальным толкованием документов» и не всегда обоснованными методами анализа и обобщения их свидетельств. Неофициальному оппоненту пришлось даже преподнести некий урок источниковедческого характера: «Документальный материал – прекрасный свидетель, но в истории, как и в суде, нельзя на веру принимать свидетельских показаний, нельзя из них механически составлять историческую картину. Надо 1) истолковать их, 2) понять их реальный смысл и 3) правильно обобщить, а как раз по всем трем пунктам в работе г-жи Островской много недостатков». [Магистерский диспут Островской: 1914, С. 146]. Островская последовательно защищала свою позицию, периодически вступая в дискуссию с оппонентом. По завершении его выступления она, оставаясь верной основе своей концептуальной линии, преподнесла итоговое возражение: «<...> у крестьян были известные вотчинные права, земля не была чисто-государевой, это и освещает иначе всю эволюцию форм землепользования. Союзы лиц и волостей, несомненно, носят складнический характер, если в актах искать не название явления, а само явление» [Там же: С. 147].

Заинтересованная полемика Кауфмана с Островской в совокупности с характером выступлений официальных оппонентов свидетельствует, что гендерные особенности данной защиты не стали основанием создания неких преференций автору диссертации. Благодаря позиции оппонентов, диспут Островской положил начало опыта включения женщин-ученых в среду мужского научного сообщества на равных с ними основаниях.

Защита А. И. Яковлева. Фигура А. И. Яковлева, научный путь которого традиционно связывают со школой В. О. Ключевского, обрела ныне новое, гораздо более углубленное освещение, благодаря повышенному интересу к творчеству представителей историко-научного сообщества Московского университета. В современной историографии историк позиционируется как член данной схоларной консолидации, входивший в ее «ядро», будучи ориентированным на изучение социальных феноменов истории [Гришина: 2010, С. 112-113]. Одновременно подчеркивается, что он относился к младшему поколению учеников Ключевского, а потому усвоил не только прин-

ципы «второго позитивизма», но и был склонен к использованию отдельных идей неокантианства. Обе его диссертации оцениваются как фундаментальные труды, инновационные по своему методологическому потенциалу. В силу этого магистерская и докторская диссертации Яковлева стали объектом специального изучения [См.: Тихонов: 2012, С. 168–179].

Защита магистерской диссертации Яковлева «Засечная черта Московского государства в XVII веке: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства», состоявшаяся накануне событий Февральской революции – 19 февраля 1917 г., сопровождалась выступлением в качестве неофициального оппонента петербуржца С. Ф. Платонова [Пичета: 1917, С. 208–213].

Отмечая редкость присутствия на диспутах даже в роли частных оппонентов представителей иных университетов, заметим, что его приезд не был случайным. К этому времени между диссертантом и оппонентом сложились прочные дружеские отношения. Об этом свидетельствует наличие в личном фонде А. И. Яковлева весьма представительной коллекции писем Платонова – 126 корреспонденций¹.

Платонов прибыл в Москву в сопровождении своего ученика – П. Г. Васенко. Хотя их приезд был приурочен к важному событию – совещанию о планируемом на 1918 год международном съезде историков в Петербурге, диспут Яковлева занимал далеко не последнее место в их планах этой поездки.

Московские историки-русисты данного времени, представляя младшее поколение школы Ключевского и защищая свои диссертации после ухода учителя из жизни, оказывались иногда под патронажем действующих лидеров исторической науки. В случае Яковлева его негласным научным патроном стал С. Ф. Платонов. В этой ситуации возник любопытный феномен межсхоларных коммуникаций начала XX в., демонстрировавший ситуацию, в которой московская и петербургская школы историков в лице их представителей, активизировали научные и межличностные контакты. Касаясь характеристики исследований Яковлева, В. В. Тихонов специально остановился на ситуации с подготовкой и защитой его магистерской диссертации. Особо он обратил внимание на два момента диссертационной истории Яковлева: на помощь, оказанную соискателю со стороны Платонова, и на факт обозначения Яковлевым в ряду своих учителей имени этого петербургского историка [Тихонов: 2012, С. 170–171].

¹См.: АРАН. Ф. 665. Оп.1. Д. 439.

Официальные оппоненты Яковлева – М. К. Любавский и Ю. В. Готье – признали, что «многое из наблюдений и выводов автора войдет в научный обиход» (Любавский), а благодаря его труду «историческая наука получила ценное приобретение» (Готье). Тем не менее, они сделали немало критических замечаний [Пичета: 1917, С. 209, 211].

Слабой стороной диссертации отмечалось «весьма доверчивое отношение» автора к источнику, преобладание в работе «сырого без достаточной обработки материала», невыразительность приемов его обобщения (Любавский). Подчеркивалось также отсутствие в работе общего контекста изучаемого исторического «эпизода». В результате исследуемое явление оказалось «не вставленным» «в историю того процесса, звено в котором составляет этот эпизод» (Готье) [См.: Там же: С. 209–212]. Не удалось диссертанту, считали оппоненты, выдержать и единую для всех структурных частей диссертации глубину погружения в анализ рассмотренных им фактов и явлений.

Платонову, как неофициальному оппоненту, досталась роль своеобразного синтезатора-арбитра, который с учетом мнений обеих сторон полемики подвел ее итоги. Будучи мастером изучения событий XVII в. и знатоком источников данного времени, он, всегда ценивший высокое искусство стиля изложения, в своем выступлении обратил внимание на «литературный прием, каким написана вся книга». Под этим приемом он имел в виду особую способность Яковлева оригинально толковать смысл, казалось бы, уже изученных источников. Однако неофициальный оппонент вынужден был признать, что «свойственная ему проникновенность» в глубины осмысления источников, не оградила диссертанта от ряда существенных замечаний. Солидаризируясь с официальными оппонентами относительно разнохарактерности структурных частей работы по степени аргументации автором своих суждений, он кратко, но ёмко дал заключение об ее особенностях. Стилистически оно передано было В. И. Пичетой в виде лаконичного пересказа выступления Платонова. Пичета зафиксировал его смысл следующим образом: «<...> в книге нет единства: первая часть написана с большим литературным мастерством, изящно и тонко; вторая часть грубо, но документально; <...>. Что же касается третьей части, то С. Ф. желал бы, чтобы ее совсем не было, так как она бездоказательна» [Там же: С. 213].

А. Н. Савин и М. М. Богословский в своих дневниковых записях не обошли стороной этот

диспут, специально подчеркнув факт и характер выступления неофициального оппонента. Савин обратил внимание на то, что петербургский историк поддержал оппонентов, критиковавших Яковлева за искусственность характеристики изучаемой им «Засечной черты», как явления, связанного исключительно с крепостнической политикой. Он тонко заметил также, что Платонов, подчеркнувший «литературный талант» историка, одновременно критиковал его за «литературную разностильность книги» [Савин: 2015, С. 432].

Богословский, являясь последовательным критиком как магистерской, так и докторской диссертаций Яковлева, в своем дневнике дал общую характеристику оппонентского выступления Платонова весьма сходно по смыслу с тем, что запротоколировал В. И. Пичета: «...первая часть (вступительная глава) написана блестяще, средняя часть – тягуча, заключительная часть – невозможна, и он (то есть Платонов) против нее протестует» [Богословский: 2011, С. 309].

Имеющийся источниковый комплекс по защите магистерской диссертации А. И. Яковлева представляет интерес не только для задач изучения особенностей диссертационной культуры, но и для перспектив изучения процессов трансформации scholarly самоидентификации некоторых из учеников Ключевского в поздний период бытования его школы. Продемонстрированную в ходе диспута ситуацию интенсификации межличностных контактов ученых двух университетов в целях организации диссертационных диспутов можно рассматривать как фактор, содействовавший преодолению жестких границ университетских культур, непродуктивно и искусственно разделявших российское научное сообщество.

Общие итоги статьи об опыте и традициях оппонирования диссертаций в среде российского научного сообщества историков

Кратко резюмируя содержание трех частей статьи, отмечу особенности законодательного регулирования процедур экспертизы диссертаций. Нормативные акты в виде университетских уставов и положений об ученых степенях длительное время совсем не фиксировали смысл функций оппонентов. Лишь с 1844 г. в Положении об ученых степенях была установлена норма, определившая некоторые моменты их экспертных обязанностей. В смысловом отношении она была аналогично закреплена в Положении 1864 г. На их основе официальным оппонентам при осуществлении экспертизы диссертации предлагалось опираться

ся на выдвинутые ее автором тезисы с целью их критического комментирования. В архивных фондах историков, выступавших оппонентами, действительно, нередко обнаруживаются тезисы («положения») оппонируемых диссертаций. Их учитывали при создании отзывов, но в действительности, жёстко им не следовали: полемические диалоги, структурировавшие ход и содержание диспута, далеко выходили за пределы представляемых кратких тезисов. Диалоговая форма ведения большинства диспутов, нацеленных на определение научного потенциала соискателей, создавала неповторимые по логике и общему «рисунку» происходивших прений типологию их образов. При этом нам не известны какие-либо специальные требования предоставления оппонентами текстов своих выступлений в факультет или их обязательного озвучивания. Основным документом, легитимировавшим диссертационный диспут, оставался факультетский отзыв. Именно этот вид отзывов на диссертации хранился в университетских канцеляриях и нередко публиковался в университетских изданиях. Сохранность же полных текстов отзывов официальных оппонентов в ситуации традиции ведения полемики, а не простого озвучивания их содержания, весьма фрагментарна.

Научное сообщество рассматриваемого времени, поддерживая и закрепляя критическое начало «возражений» оппонентов, было целеустремлено к серьезному (иногда суровому) и подробному анализу защищаемой диссертации, но отнюдь не было ориентировано на отклонение защищаемых диссертаций как не соответствующих той или иной ученой степени. Таковые случаи, если и происходили в научной среде, были редким явлением. Чаще всего отклонение диссертации от защиты или предложение защищать ее в ином университете осуществлялось на предварительных заседаниях факультета.

Процедура оппонирования призвана была выполнять критико-аналитическую функцию в целях утверждения и поддержания признанных и апробированных правил, принципов и норм научно-исследовательской деятельности. Полемики оппонентов с соискателем и сам диспут рассматривались в качестве специальной коммуникационной площадки, позволявшей репрезентировать научному сообществу способности диссертантов к научной деятельности и ведению научных споров. В ситуации отсутствия или очень редких практик изучаемого времени «контактного» научного общения в виде, например, конференций, диссертационный диспут становился инструмен-

тальным способом выражения его участниками своих научных идей и методологий. В этой связи понятна выразительная тенденция, связанная со стремлением представителей историко-научного сообщества, организовывать неофициальные практики протоколирования диспутов с последующей их публикацией.

Институт неофициального оппонирования имел особое значение. Хотя далеко не каждая защита сопровождалась выступлениями данной категории оппонентов, эта группа добровольных экспертов интересна для понимания особенностей самоорганизации научного сообщества в пространстве диссертационной культуры. В этой же связи к категории добровольных активистов, действующих в сегменте диссертационной культуры, следует отнести тех, кто брал на себя функцию составления неофициальных протоколов диссертационных диспутов.

Многие диссертационные диспуты играли роль своеобразных мастер-классов ученых. Их дебаты являли заинтересованной аудитории живые уроки профессионального мастерства и научного опыта. На диспуты ходили из научного интереса, ученого азарта, в целях приобретения научного профессионализма и, несомненно, для поддержания в научной субкультуре корпоративных и социокультурных коммуникаций. Диссертационные диспуты становились основой формирования репутационного и профессионального имиджа, как диссертантов, так и их оппонентов. Этот вид деятельности можно отнести не только к научной области, но и к сферам интеллектуально-этической и одновременно – ритуально-эстетической, если исходить из особенностей культуры, целей и опыта жизненного мира корпорации ученых-историков.

Официальное и неофициальное оппонирование в XIX – начале XX в. стало устойчивой нормой и традицией университетской культуры. За более чем сто лет её развития практики оппонирования эволюционировали от выбора случайных экспертов к поиску специалистов по близкой диссертанту проблематике. Но при этом устойчиво сохранялась традиция оппонирования в междисциплинарном пространстве диссертационной культуры. Институт официальных и неофициальных оппонентов складывался в контексте все более пересекающихся интересов ученых-гуманитариев разных специальностей – историков, филологов разнообразного профиля, экономистов, статистиков, правоведов. Преследуя цель профессиональной экспертизы диссертаций, оппоненты, будучи представителями различных гу-

манитарных дисциплин, имели возможность не только выразить свои научные идеи, но и продемонстрировать естественное стремление к научной консолидации гуманитариев. Диспуты начинали выполнять специфическую роль взаимного обмена междисциплинарной научной информацией, без чего на рубеже XIX–XX вв. гуманитарная сфера науки уже не могла функционировать.

Научное сообщество вырабатывало различные модели оппонирования, представленные опыта-

ми экспертных практик историко-филологических факультетов российских университетов, а также порождало типы оппонентов, представляя в совокупности некую общую национальную научную традицию диссертационной культуры. Наконец, институт оппонентов в целом может рассматриваться и как выражение процесса формирования референтных групп в научной среде ученых-гуманитариев.

Список литературы

1. Алеврас Н. Н. Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX–начала XX века (из диссертационной практики ученых-историков). Часть I. Институты экспертизы диссертаций // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 2. С. 145–161. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/2_2017/Alevras.pdf (дата обращения: 12.08.2018).
2. Алеврас Н. Н. Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX – начала XX века (из диссертационной практики ученых-историков). Часть 2. Культура и модели оппонирования // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 186–198. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/1_2018/alevras1.pdf (дата обращения: 12.08.2018).
3. Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Диссертации историков и законодательные нормы (1860–1920-е гг.) // *Российская история*, 2014. № 2.
4. Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Российская диссертационная культура XIX–начала XX веков в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // *Диалог со временем*, 2011. Вып. 36.
5. Барсов Е. В. Диспут г. Ключевского // *ЧОИДР*, 1914. Кн. 1.
6. Богословский М. М. Дневники 1913–1919. Из собрания государственного исторического музея. М.: *Время*, 2011. 800 с. с ил.
7. Бубнов Н. М. Сквозь череду потерь. Воспоминания / сост., подг. текста, вступ. ст., примеч. и прилож.: О. Б. Смирнов. М.: *Русский путь*, 2017. 504 с.: ил.
8. Никитенко А. В. Записки и дневник (1826–1877). СПб: Типография А. С. Суворина, 1893.
9. Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв./ В.Г. Вовина-Лебедева. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. 928 с.
10. Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск: *Энциклопедия*, 2010. 288 с.
11. Дестунис Г. С. Михаил Семенович Куторга: воспоминания и очерки // *ЖМНП*, 1886. Ч. 246. Июль. С. 3–14.
12. К 130-летию со дня рождения Л. П. Карсавина: URL: http://www.library.spbu.ru/blog/?page_id=2511 (дата просмотра 26.09.2017)
13. Любарский Я. Н. О Павле Владимировиче Безобразове и его книге о Михаиле Пселле // *Две книги о Михаиле Пселле: П. В. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл и Я. Н. Любарский. Михаил Пселл: личность и творчество*. СПб.: *Алетейя*, 2001. 541 с.
14. Магистерский диспут М.Д. Приселкова // *Научный исторический журнал*, 1914. Вып. 1.
15. Магистерский диспут Островской // *Научный исторический журнал*, 1914. № 5.
16. Мякотин В. А. Диспут и ученая степень // *Русское богатство*, 1897. № 7 (июль).
17. Пичета В. И. Диспут А.И. Яковлева // *Исторические известия: Ист. об-во при Московском университете*, 1917. № 1.
18. Раскин Д. И. Архив Министерства народного просвещения (1803–1918): от придатка канцелярии к ученому учреждению // *Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность»*. 2016. № 4 (6). С. 17–27.
19. Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917 / А.Н. Савин / Отв. ред. А. К. Гладков; публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 524 с.
20. Семевский В. И. Диспут М.А. Островской // *Голос минувшего*. 1914. № 4.

21. Скворцов А. М. Научная школа в отечественном антиковедении: М. С. Куторга и его ученики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ставрополь, 2012.

22. Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // С. М. Соловьев. Избр. труды. Записки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

23. Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева, С. В. Бахрушина. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 320 с.

24. [Тихонов И. Л.] Первая женщина среди преподавателей Санкт-Петербургского университета // Санкт-Петербургский университет: Отчет о состоянии и деятельности в 2003 году / Под общей редакцией Л.А. Вербицкой. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 348 с.

25. Чернорабочий от истории. URL: <https://azbyka.ru/days/p-chnorabochij-ot-istorii-k-160-letiju-sonnja-rozhdenija-vasilija-vasilevicha-bolotova> (дата обращения 26.09.2017)

26. Шершеневич Г. Ф. О порядке приобретения ученых степеней. Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1897.

Сведения об авторе

Алеврас Наталия Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета.

vhist@mail.ru

Magistra Vitae.

2018. No 2. P. 160–175.

THE EXPERIENCE AND TRADITIONS OF OPPONENCY IN RUSSIAN UNIVERSITIES IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY. (FROM THE DISSERTATIONAL PRACTICE OF HISTORIANS) PART 3. UNOFFICIAL OPPONENTS

N. N. Alebras

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. vhist@mail.ru

*The publication is prepared with funding from Russian Foundaton for Basic Research, project number 16-03-00264
(Conclusion)*

The issues of unofficial dissertation opponency practices in pre-revolution universities have not been considered in researches, connected with thesis defence history and thesis expertise experience. The functions and the powers of unofficial opponents did not have a special legal framework and were regulated based on the initiatives of academic university community. The current situation with the information sources on the history of dissertation culture does not allow to draw a broad picture of all opponency practices. The work of unofficial opponents is a topic that has especially many gaps in the source base on the history of dissertation disputes. In many cases, the evidence of it survived in the documents concerning the dissertation disputes in Moscow and Saint Petersburg. The task of searching for information on this category of opponents is still relevant. It is also worth noticing that a great number of dissertation disputes were carried out without experts of this kind. The author uses the experience of unofficial opponents and looks at them from the position of their specific functions and the significance of their activities as the actors of university community. An attempt was made to single out the most active among them in the field of dissertation culture. The basis of this part of the research are the official and unofficial minutes of dissertation disputes, as well as the evidence of personal sources received from the academic community of historians. To sum up, the author states that the institution of unofficial opponents was a consistent university practice. In the end of this part of the article, some general conclusion are drawn, concerning the rationale behind and the significance of the opponency institution as a whole, which is a vital structural component of the dissertation culture and university life.

Keywords: *unofficial opponents, unofficial opponency practices, dissertation culture, dissertation dispute, private opponent.*

References

1. Alevras, N. N. (2017) Opyit i traditsii opponirovaniya dissertatsiy v rossiyskikh universitetah vtoroy poloviny XIX–nachala XX veka (iz dissertatsionnoy praktiki uchenyih-istorikov). Chast I. Institutyi ekspertizy dissertatsiy [The experience and traditions of opponency in Russian universities in the second half of the XIXth century and the beginning of the XXth century (from the disserational practice of historians). Part I. Institutyi ekspertizy dissertatsiy. Dissertation examination institutes], in: *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [MagistraVitae: an electronic journal on historical sciences and archeology]. No. 2, pp. 145–161. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/2_2017/Alevras.pdf, accessed 12.08.2018 (in Russ.).
2. Alevras, N. N. (2018) Opyt i tradicii opponirovaniya dissertacij v rossijskikh universitetah vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka (iz dissertacionnoj praktiki uchenyh-istorikov) Chast' 2. Kul'tura i modeli opponirovaniya [The experience and traditions of opponency in Russian universities in the second half of the XIXth century and the beginning of the XXth century (from the disserational practice of historians) Part 2. Culture and models of opponency], in: *MagistraVitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [MagistraVitae: an electronic journal on historical sciences and archeology]. No. 1, pp. 186–198. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/1_2018/alevras1.pdf, accessed 12.08.2018 (in Russ.).
3. Alevras, N. N. and Grishina, N. V. (2014) Dissertacii istorikov i zakonodatel'nye normy (1860–1920-e gg.) [History theses and laws (1860–1920es)], in: *Rossiyskaya istoriya* [Russian History]. No. 2 (in Russ.).
4. Alevras N. N. and Grishina N. V. (2011) Rossijskaya dissertacionnaya kul'tura XIX-nachala XX vekov v vospriyatii sovremennikov. K voprosu o nacional'nyh osobennostyah [Russian dissertation culture in XIX – early XX centuries through the eyes of contemporaries. On the nation-specific phenomena], in: *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. Issue 36 (in Russ.).
5. Barsov Ye. V. (1914) Disput g. Klyuchevskogo [The dispute of mr. Klyuchevskiy], in: *ChOIDR* [The Confenece of Imperial Society of Russian History and Ancientries]. Vol. 1 (in Russ.).
6. Bogoslovski M. M. (2011) Dnevnik 1913–1919. Iz sobraniya gosudarstvennogo istoricheskogo muzey [Diaries 1913–1919. From the collection of the State Museum of History]. Moscow, Vremya, 800 p. with pics. (in Russ.).
7. Bybnov N. M. (2017) *Skvoz' cheredu poter' Vospominaniya* [Through a spree of losses. Memoirs]. Moscow, Russkiy put', 504 p. with pics. (in Russ.).
8. Nikitenko A. V. (1893) *Zapiski i dnevnik (1826–1877)* [Notes and the diary (1826–1877)]. Saint Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina (in Russ.).
9. Vovina-Lebedeva V. G. (2011) *Shkoly issledovaniya russkikh letopisey: XIX–XX vv.* [Schools of studies of Russian chronicles of XIX–XX centuries]. Saint Petersburg, Dmitri Bulanin, 928 p. (in Russ.).
10. Grishina N. V. (2010) «*Shkola V.O. Klyuchevskogo*» v istoricheskoy nauke i rossiyskoy kul'ture [The scholarly tradition of V. O. Klyuchevski in historical studies and Russian culture]. Chelyabinsk, Encyclopedia, 288 p. (in Russ.).
11. Destunis G. S. (1886) Mikhail Semenovich Kutorga: vospominaniya i ocherki [Mikhail Semenovich Kutorga: memoirs and essays], in: *ZhMNP* [Journal of the Ministry of Education]. P. 246. July, pp. 3–14 (in Russ.).
12. *K 130-letiyu so dnya rozhdeniya L. P. Karsavina* [On the occasion of the 130th birthday of L. P. Karsavin]. URL: http://www.library.spbu.ru/blog/?page_id=2511, accessed 26.09.2017 (in Russ.).
13. Lyubarskiy Ya. N. (2001) O Pavle Vladimiroviche Bezobrazove i ego knige o Mikhaile Pselle [Pavel Vladimirovich Bezobrazov and his book about Mikhail Psell], in: *Dve knigi o Mikhaile Pselle: P. V. Bezobrazov. Vizantiyskiy pisatel' i gosudarstvennyy deyatel' Mikhail Psell i Ya* [Byzantine writer and statesman Mikhail Psell and I]. N. Lyubarskiy Mikhail Psell: lichnost' i tvorchestvo [Mikhail Psell: personality and works]. Saint Petersburg, Aleteya, 541 p. (in Russ.).
14. Magisterskiy disput M. D. Priselkova (1914) [Master's degree dispute of M. D. Priselkov], in: *Nauchnyy istoricheskiy zhurnal* [Scientific Historical Journal]. Issue 1 (in Russ.).
15. Magisterskiy disput Ostrovskoy (1914) [Master's degree dispute of Ostrovskaya], in: *Nauchnyy istoricheskiy zhurnal* [Scientific Historical Journal]. No. 5 (in Russ.).
16. Myakotin V. A. (1897) Disput i uchenaya stepen' [Dispute and academic degree], in: *Russkoe bogatstvo* [Russian Wealth]. Issue 7 (July). (in Russ.).

17. Picheta V. I. (1917) Disput A. I. Yakovleva [The dispute of A. I. Yakovlev], in: *Istoricheskie izvestiya: Ist. ob-vo pri Moskovskom universitete* [Historical news: East. Society of Moscow University]. No. 1 (in Russ.).

18. Raskin D. I. (2016) Arhiv Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (1803–1918): ot pridatka kancelarii k uchenomu uchrezhdeniyu [The archive of the Ministry of Education (1803–1918): from the tailpiece of chancery to the academic institution], in: *Vestnik RGGU. Record Management and Archive Studies. Informatics. Data Protection and Information Security Series*. Issue 4 (6), pp. 17–27 (in Russ.).

19. Savin A. N. (2015) *Universitetskie dela. Dnevnik 1908–1917* [University business. The Diary of 1908–1917]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 524 p. (in Russ.).

20. Semevskiy V. I. (1914) Disput M. A. Ostrovskoy [The Dispute of M. A. Ostrovskaya], in: *Golos minuvshego* [Voice of the Past]. No. 4 (in Russ.).

21. Skvortsov A. M. (2012) *Nauchnaya shkola v otechestvennom antikovedenii: M. S. Kutorga i ego ucheniki* [Scholarly traditions in Russian antique studies: M. S. Kutorga and his disciples]. Candidate of historical sciences dissertation. Stavropol (in Russ.).

22. Solovyov S. M. (1983) *Moi zapiski dlya detey moikh, a esli možno, i dlya drugikh* [My notes for my children, and possibly the others'], in: S.M. Solovyov. *Izbr. trudy. Zapiski*. Moscow, Moscow State University (in Russ.).

23. Tikhonov V. V. (2012) *Moskovskaya istoricheskaya shkola v pervoy polovine XX veka. Nauchnoe tvorchestvo Yu. V. Got'e, S. B. Veselovskogo, A. I. Yakovleva, S. V. Bahrushina* [Moscow School of History Studies in the first half of the XXth century. Academic Works of Yu. V. Got'e, S. B. Veselovskogo, A. I. Yakovleva, S. V. Bahrushina]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 320 p. (in Russ.).

24. Tikhonov I. L. (2004) *Pervaya zhenshchina sredi prepodavateley Sankt-Peterburgskogo universiteta* [The first woman among the teaches of the university of Saint Petersburg], in: *Sankt-Peterburgskiy universitet: Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti v 2003 godu* [St. Petersburg University: Report on the status and activities in 2003]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University, 348 p. (in Russ.).

25. *Chernorabochij ot istorii* [Menial worker in history]. URL: <https://azbyka.ru/days/p-chernorabochij-ot-istorii-k-160-letiju-so-dnja-rozhdenija-vasilija-vasilevicha-bolotova>, accessed 26.09.2017 (in Russ.).

26. Shershenevich G. F. (1897) *O poryadke priobreteniya uchenyh stepeney* [Concerning the procedure of getting an academic degree]. Kazan, Kazan Imperial University, 1897 (in Russ.).